

Таинственный автор нашумевших романов, отец знаменитого телесыщика дал интервью корреспонденту «ВМ»

Век. Москва. — 1999. — 26 окт. — с. 5

Александр ЩУПЛОВ

К премьере телесериала «Досье детектива Дубровского» издательство «Эксмо-пресс» выпустило книгу Льва Гурского «Перемена мест», послужившую первоисточником для экранизации.

Так кто же такой Лев Гурский? По одной из легенд, он родился в 1942 году в Саратове. В Ленинграде получил высшее образование. Полтора десятилетия проработал в правоохранительных органах. В начале восьмидесятых — из СССР, ныне живет в Вашингтоне, работает консультантом по авторскому праву в одном из литературных агентств. Его перу принадлежат романы «Убить президента», «Поставьте на черное», «Спаси президента», «Яблоки раздора» и другие. При чтении «Перемены мест» и сравнении ее с телеверсией у читателей возникает немало вопросов. Мы переадресовали их Льву Гурскому.

— Почему у героя телефильма имя Роман Дубровский, а в книге его зовут Яков Штерн?

— У литературы и у кино, особенно телевизионного, несоизмеримо разные аудитории. Подчас принципиально разные. Телезритель в массе своей значительно менее искушен, нежели читатель. Тонкие литературные ходы, хитроумная игра со смыслами — все, что хорошо на страницах книги, на ТВ бесполезно и ненужно. Нужны всем понятные наики. Имя Якова Штерна никак не отзовется для среднестатистического зрителя. А вот Дубровского в школе читали все. Если назвать персонаж «Дубровский», то всем становится понятно: благородный романтический герой, объяснений не требуется. Экономится экранное время. А, естественно, раз у героя фамилия Дубровский, то героиня

— Пароль, явки и, главное, — имя! («Досье детектива Дубровского»)

ли Николаю Караченцову на надоевшую роль частного детектива.

— Не отобьет ли телесериал у вас читателей?

— Напротив, надеюсь, что после выхода фильма их только прибавится. Ответы на вопросы, прозвучавшие в фильме, многие будут искать в книге. Мы вместе с создателями фильма выстроили несколько «двойных ловушек», в которые любитель детектива не может не попасться. Так что читателя ждет немало сюрпризов.

— Смогли бы вы писать в соавторстве, как братья Вайнеры? Если да, то кого бы избрали в соавторы?

— Процесс писания настолько интимный, что разделить его можно либо с кровными родственниками, как Вайнеры или Стругацкие, либо с супругом, как Анн и Серж Голон. Исключение из правила — Ильф и Петров. Впрочем, если бы меня посетило внезапное желание с кем-либо в соавторстве написать роман, я бы

человека надежды на лучшее, иначе он не писатель, а криминальный репортер средней руки, живописатель расчлененных трупов вроде вашего Невзорова или как там его... Хотя, если честно, мне не с руки обсуждать писания коллег. Не так давно я сочинил пару статей для российских газет, а потом вдруг выяснилось, что моими критическими статьями о Фридрихе Незнанском стал размахивать, как дубиной, Эдик Тополь, который теперь, оказывается, враждует со своим бывшим соавтором. Ну их, думаю, к черту обоих, надоели!

— Есть ли у вас претензии к писателю Гурскому? Чего, на ваш взгляд, ему не хватает, чтобы стать Честертоном?

— У меня к Гурскому много претензий. Например, он пишет значительно медленнее, чем может себе позволить коммерческий писатель. И чересчур умничает и фокусничает, что значительно сокращает число его читателей: не всякий выдержит такие выкрутасы. Его шуточки, которые стали фирменным стилем, иногда чрезмерны и навязчивы: «Русским Честертоном» Гурский никогда не станет. Однако и «вторым Доценко» он тоже не станет: ниже некоего литературного уровня он опуститься не сможет — при всем желании не получится. Завидным даром писать плохо и не замечать этого писатель Гурский не обладает.

— Ваш последний роман «Спаси президента» выдвинут на Буковскую премию. Верите ли вы в счастливый исход?

— Это приятно уже само по себе, независимо от того, попадет ли книга в «шорт-лист» из шести финалистов. Лично я прогнозирую: в этом году едва ли попадет (на днях финалисты Букера назвали, Гурский не ошибся. — Ред.). Но в перспективе я совсем не исключаю, что какое-либо произведение (необязательно мое), формально причисляемое к «массовым жанрам», когда-нибудь все-таки выйдет в финал Букера. Это будет справедливо. Всякая дискриминация прискорбна, тем более дискриминация по жанровому признаку.

— И последний вопрос: говорят, Лев Гурский — псевдоним? Если да, то по каким причинам он взят?

— Этот вопрос я считаю бестактным и бессмысленным. Имя писателя то, которое значится на обложке книги. Остальное не имеет значения. Какая разница для поклонников полицейских романов и фильмов Хичкока, что Сальваторе Ломбини писал сценарий «Птиц» под псевдонимом Эван Хантер, а как автор полицейских романов известен под псевдонимом Эд Макбейн. Никакой разницы нет!

Двойные ловушки

Детектива Дубровского в первой жизни звали Яковом Штерном

Постскриптум отдела культуры.

Когда материал готовился к печати, нам стало известно, что Лев Гурский действительно псевдоним, под которым творит и издается... известный отечественный литератор. Имя его раскрыть мы не уполномочены. Фото писателя отсутствует по той же причине. Возможное совпадение данного изображения с оригиналом — случайно.

Автор книги — сплошная загадка для журналистов, «мистер X» отечественной литературы. Кто он — неизвестно, где живет и как выглядит — неведомо.

обязана стать Машей (в книге ее зовут Жанной).

— Видели ли вы сериал и есть ли у вас претензии к создателям?

— Я видел сериал и удовлетворен им процентов на восемьдесят. Мне показалось, что режиссер Александр Муратов и сценарист Владимир Брагин, нередко поступааясь буквой первоисточника, сумели передать иронический дух моего романа. А это куда важнее, чем точность перенесения диалогов на экран. На фоне халтурных низкобюджетных мыльных опер фильм «Д.Д.Д.» приятно выделяется. Это крепкое добротное многосерийное кино чем-то напоминает, с одной стороны, сериалы нашей молодости — вроде «Адыютанта его превосходительства», а с другой — такое культовое явление американского кино, как «Твин Пикс».

Правда, на мой взгляд, сценарист перенаселил картину персонажами. Кроме того, оставил несколько вопросов без ответов. Впрочем, возможно, это сделано намеренно, чтобы перекинуть мостик к следующей истории с тем же героем — ес-

выбрал из всех сегодняшних корифеев жанра Эда Макбейна, создателя саги о восьмидесяти шестом полицейском участке. Макбейн — профессионал высокого класса. Сомневаюсь, что я был бы ему чем-то полезен, зато мне самому было бы чертовски любопытно, как он пишет.

— Что не устраивает вас в современном детективе?

— Я не являюсь абсолютным знатоком в этой области, но что меня безумно раздражает, так это стремительная деградация жанра, его падение куда-то в область «черного романа». Место положительных героев занимают выродки с темным прошлым и уголовным настоящим. Читателей почему-то призывают равняться на аморальных мазуриков — всех этих «бешеных», «меченых», «фиксатых». Между тем детектив — один из самых высокоморальных литературных жанров. Здесь Добро и Зло разведены по полюсам. Компромисс невозможен. Победа Добра над Злом предопределена. Писатель, работающий в этом жанре, не имеет права лишать